

П. Е. Азарова

**Детские и юношеские праздники в городах Западной Сибири
(1921–1941 гг.)**

Советский праздник представляет собой специфическое явление культуры, которое с одной стороны фиксирует устойчивую институциональную конструкцию мероприятий отдыха масс, с другой стороны отражает субкультурное своеобразие праздничных событий. Поколенческая стратификация занимает здесь свое, четко очерченное место. Дети и юношество выступают в этом пространстве как особые носители субкультуры. Праздники данных возрастных категорий являлись элементами политико-государственных мероприятий, поскольку на подрастающее поколение возлагалась миссия носителей «светлого» будущего.

Впервые о проблеме значимости исследований советского детских и юношеских праздников в становлении новой государственности заявил М. Геллер¹. Последние новейшие исследования представлены работами немецкого историка М. Рольфа и российской исследовательницы Е.В. Душечкиной². Основная заслуга авторов данных работ состоит в том, что они вывели научную значимость этого ранее периферийного вопроса. Современный интерес к нему связан с большим масштабом гендерных и социально-антропологических исследований, о чем можно судить по содержательной статье С.Г. Леонтьевой³, которая анализирует, в частности, детский новогодний праздник на основе сценариев его проведения.

Любой массовый праздник – это не произвольное течение событий, а, прежде всего, «управляемое» торжество. Детские и юношеские праздники не исключение. Более того, все мероприятия были сцеплены в единую систему, в рамках которой в частности, торжества для данных поколений являлись не только самостоятельной праздничной единицей, но и включались составными частями во взрослые торжества. В советской социальной политике в отношении «подрастающих поколений» уже с первых постреволюционных лет устанавливались определенные стратификационные критерии. Возрастная разделительная линия между детством и юношеством проводилась по границе 14 лет⁴. Категория детства делилась на два периода: с 7 до 9 лет октябрята, с 9 до 14 лет пионеры. Юношеский возраст определялся в 15–23 года⁵, далее наступал официальный возраст молодости (дающий, помимо прочего, право на вступление в партию). Обозначенные возрастные границы оставались практически постоянными на протяжении всего изучаемого периода 1920–1930-х годов. Отделы ЦК ВКП(б) и комитеты НКВД РСФСР разрабатывали для каждой из поколенческих

Азарова Полина Евгеньевна, аспирант Института истории СО РАН.

Эл. почта: polina_a@ngs.ru

¹ Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С. 27–28.

² Душечкина Е.В. Легенда о человеке, подарившем ёлку советским детям // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 21–25.

³ Леонтьева С.Г. Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 13–20.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 60.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 58. Л. 60.

когорт свой стандарт социально-воспитательных задач и методик с учетом возрастных особенностей¹.

Значимость данных поколений для государства подчеркивалась тем, что они становятся непременно участниками «больших» торжеств, а связанные с детством события приурочивались к ним. Так, на протяжении всего изучаемого периода к значимым государственным праздникам (в частности, первого мая и Октябрьские торжества) рекомендовалось приурочить открытие детских учреждений², а к дню женского праздника (восьмого марта) – открытие женских консультаций, детских домов беспризорника с бесплатными столовыми, выставки детских ясель и предметов по уходу за ребенком, в магазинах появлялись «полки матери и ребенка»³. Обязательным являлось участие для изучаемых возрастных категорий и в таких мероприятиях, как годовщина начала Первой мировой войны (первого августа намечались экскурсии для детей и подростков на аэродром, посещение ими кинофильмов и т. п. антивоенных акций)⁴, День Парижской Коммуны, Комсомольская пасха⁵ и др. Органичной составной частью проводившейся целенаправленной детско-подростковой консолидации выступали лозунговые технологии. Лозунги государственных праздников в изучаемый период включают в себя целый блок обращений, посвященных «могучему резерву» – подрастающему поколению⁶.

В методических рекомендациях НКВД РСФСР регионам в первой половине 1920-х годов, формулируется установка на празднование государственных праздников среди всей массы детей «под знаком вовлечения их в общеполитическое торжество на основе лозунгов партии»⁷. В них определено основное назначение детей и юношества как новой смены, которая закрепит революционные традиции Красной армии⁸. Со второй половины 1920-х и в начале 1930-х годов лозунги определяют представителей изучаемых поколенческих когорт как «революционных пионеров», которые являются приемниками и борцами за дело Ленина.

В 1930-е годы обращение к октябрятам, пионерам и комсомольцам связано с призывом к присоединению по разрешению общегосударственной задаче индустриализации и коллективизации страны и всеобщего обучения основам марксистско-ленинской теории. Вторая половина 1930-х гг. характеризуется введением в «общие» призывы дифференцированных, адресных обращений к «единению» отдельных категорий детей и подростков с конкретными социально-профессиональными группами, в частности, с рабочими, колхозниками и сферами их трудовой деятельности⁹.

Приоритеты новой власти в сфере воспитания и социализации детей и подростков вытекали не только из объективных факторов (гражданская война, породившая проблемы беспризорности, голода¹⁰ и ускорение процесса распада семьи и угасания её как источника

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 40.; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 31; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 4–5.

² Советская Сибирь. 1920. 30 мая; Советская Сибирь. 1930. 6 марта; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 110. Л. 3; ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 211. Л. 32.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 136.; ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 211. Л. 6–12.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 56. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 64–67, 77.

⁶ Советская Сибирь. 1934. 20 апр.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 9. Д. 79. Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ Советская Сибирь. 1935. 24 апр.; Советская Сибирь. 1936. 24 апр.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

воспитания)¹, но и из установки на усиление государственного патернализма как универсального механизма, «формирования нового человека». Именно эти императивы становятся определяющими в массовой системе воспитания как «жгучей практической задачи пролетарского государства»² и закрепления монополии государства на воспитание, прежде всего детей, потерявших родителей и попадавших на государственное обеспечение. Но далее эта модель госпатернализма закреплялась и в отношении детей, воспитывавшихся в семьях. В 1920–1930-е годы в периодических изданиях общая модель государства представлена как универсальный родитель, заменяющий семью.

Дошкольный возраст представляет собой начальную возрастную категорию. Особенности данного возраста были отмечены на собраниях по вопросам воспитания с начала 1920-х годы: «дети дошкольного возраста отличаются физически и духовно от других возрастов. Характерно слабое развитие органов чувств, рост мозга, мышление конкретное»³ Отмечались основные методические требования к воспитанию данного возраста: «научить различать цвета, приучить к разумному труду, развить самостоятельность и творчество, умению жить в кругу товарищей, заложить основу правильного религиозного воспитания»⁴.

В документах начала 1920-х годы отмечается, что в праздновании государственных праздников принимают участие все дети, начиная с ясельного возраста⁵. Помощь в организации мероприятия данной возрастной категории оказывали комсомольцы, пионеры, представители женских и партийно-профсоюзных структур⁶, в чем четко прослеживалась преемственность в деле дошкольного и школьного воспитания, принцип установления иерархического шефства старших над младшими. Благодаря этому типу отношений, при совместной постановке сценических номеров дошкольники становились на некоторое время субъектами праздника, знакомясь с понятием советского торжества и таким образом социализировались⁷.

В целом участие в празднике детей до 14 лет заключалось в пребывании рядом с основной массой и приобщении к общему действию. Они еще не принимали участие в общей демонстрации совместно с коллективами предприятий⁸, но им отводилось место зрителя по пути шествия колонн, после демонстрации дети катались на трамваях и украшенных автомобилях. В рамках подготовительной работы с детьми особо оговариваются условия комфортного пребывания на мероприятии: сытость и теплая одежда⁹, в случае неблагоприятных погодных условий данная категория участие в мероприятии не принимала¹⁰. В свою очередь, представители юношества, входящие в состав пионер¹¹, являются участниками шествия, и становятся желанным эталоном для подражания.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 51.

² Там же.

³ Там же. Л. 40.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 31.

⁶ Там же.

⁷ Советская Сибирь. 1929. 4 авг.; Советская Сибирь. 1935. 30 марта.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 31; Советская Сибирь. 1930. 19 мая.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 5.

¹⁰ ЦДНИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 78.; Советская Сибирь. 1929. 28 апр.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 5.

Новое государственное воспитание охватывало подрастающие поколения многих категорий населения, не упуская из под идеологического контроля детей торговых служащих, артельщиков и кустарей, безработных, национальных меньшинств. Работа с неорганизованными (безнадзорными) детьми в городах разворачивалась по трём направлениям: организация через социальных инспекторов (милицейские учреждения), вокруг районных школ и клубов¹. С беспризорными, не включенными в школьную и, соответственно в пионерскую деятельность, должен был вести работу персонал ночлежек: на время празднования данное учреждение обязывалось объединять вокруг себя детей, устраивая для них спектакли, кинопоказы и предоставляя угощение². Для детей торговых служащих, кустарей рекомендовалось на базе предприятий и учреждений, где работали родители, ставить спектакли, утренники, организовывать катания, раздачу подарков на средства из отчислений артелей в праздничные комиссии³.

Начиная с середины 1920-х гг. традиционными становятся мероприятия, в которых принимают участие не только категории напрямую уже включенные в советские структуры, но и члены их семей. Праздничные комиссии предоставляют к данным событиям коллективные и сольные творческие номера⁴. В то же время с 1930 г. из организационного процесса праздника исключаются представители «старой закалки», находящиеся в родственной связи с представителями православной церкви, негосударственной торговли и т. д.⁵. Тем самым можно говорить о том, что праздники стали одними из индикаторов наступления новой эпохи: если в 1920-е годы торжества выступали в качестве консолидационного инструмента, расширяя аудиторию, то теперь участие или неучастие в торжествах приобретало роль стратификационного признака.

С начала 1920-х годов появляется тенденция выделения ребенка и подростка в действующего субъекта в предпраздничном мероприятии. Всячески поддерживается и стимулируется старание детей, стремление юношества и молодежи помочь в организации, оформлении сцены всеми доступными средствами. В сметах начала 1920-х годов в качестве материалов для самостоятельного оформления на празднике представлены: красная материя, марля, проволока, клей, краски⁶. В 1930-е годы к постоянным элементам добавлены листы бумаги для лозунговых композиций на мероприятии, увеличен общий объем рекомендуемых оформительских элементов, что свидетельствует о запланированном увеличении масштабов торжественности⁷.

Дни, посвященные детям, проводились обычно в летние месяцы, юношеские в конце лета – начале осени. При этом данные торжества не имели конкретной даты. Дни ребенка сопровождался призывом к детям готовиться к своему празднику, что подразумевало разучивание рекомендованных «сверху» стихов, песен, сказок, пьес, игр⁸. Торжественная Неделя ребенка, проходившая вплоть до начала 1940-х годы, заканчивалась субботником. Таким образом, труд выступал как базовый элемент организации праздника.

Все мероприятия были иерархизированы, имели строгую очередность. Так, катание на пароходе в г. Новониколаевске при проведении Недели ребенка имело четко определенную последовательность, создавая внутренние отличия в среде детей, выделяя

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 5.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 7–8.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 94. Л. 3.

⁵ Советская Сибирь. 1930. 16 марта.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 23. Л. 7–12.

⁷ Советская Сибирь. 1931. 27 июня; Советская Сибирь. 1939. 16 окт.

⁸ Советская Сибирь. 1920. 17 июня.

приоритеты: первыми катаются дети школ, затем коммун, далее дошкольных учреждений, и уже потом «неорганизованные дети»¹. На протяжении всего изучаемого периода последовательность незначительно менялась в зависимости от возрастных акцентов праздника и специфики торжества².

Обозначенные праздники включали в себя элементы традиции и инновации. Традиционность проявлялась в использовании русских народных игр в качестве основы мероприятий: «пятнашки», «кошки-мышки», «хоровод», «а мы просо сеяли»³. Новшества в детских праздниках являлось проведение субкультурных демонстраций. Так, в 1923 г. Неделя беспризорного ребенка (10–17 июня) в г. Новониколаевске была ознаменована демонстрацией 1500 чел. на Красном проспекте, возглавлял которую верблюд, запряженный в тележку с транспарантами и лозунгами⁴. Очевидно, это животное выступало символом выносливости, силы и терпения в достижении цели.

В юношеских торжествах инновации проявлялись в разнообразных по торжественности программам, приближенным по формам проведения к взрослым мероприятиям: в 1920-х годы факельные шествия, на протяжении всего периода – собрания, вечера трех поколений, подписка на литературу, экскурсии, спортивные выступления (легкая атлетика и баскетбол), инсценировки, конференции, дискуссии на политические темы⁵, агитсуды, создание живых картин⁶. Общими элементами для праздничных событий детей и юношества являлось создание праздничных газет, проведение бесед, игр, обязательной раздачей подарков⁷. Каждый праздник включал в себя разный подарочный набор, состав которого зависел от политических приоритетов.

В 1920–1930-е годы можно отметить ярко выраженное манипулирование мотивацией детей и юношества через подарки. В этом контексте состав подарка имел важное значение. Сам факт получения подарка связан с косвенной или прямой принадлежностью к партийным структурам. С 1921 г. в праздничные сметы включаются суммы на угощение на все детские и юношеские праздники⁸. В этот год в качестве обязательной составляющей подарка рекомендовалось вносить муку и сахар, который по документам является заменителем мяса для детей⁹.

Отметим, что после 1920 г. численность населения Новониколаевска стабилизировалась. По расчетам работников Сибкрайстатуправления в городе проживали на 1 января 1921 г. – 67,2 тыс. чел.¹⁰, на это количество приходилось 30 тыс. детей, из них 1500 пользовалось столовой¹¹. В социально период в праздничные дни октября и пионеры получают «угощение» в столовых и коммунах. Оно было представлено в виде: один фунт белого хлеба и ¼ фунта мяса, масло. Дети не входящие в выше обозначенные категории получали пять фунтов муки, крупы, два яйца, один фунт сахара (заменитель мяса), один кусок

¹ Советская Сибирь. 1921. 26 июня.

² Советская Сибирь. 1927. 25 апр.; Советская Сибирь. 1932. 4 нояб.; Советская Сибирь. 1939. 24 апр.

³ Советская Сибирь. 1922. 3 авг.; Советская Сибирь. 1935. 30 авг.

⁴ Советская Сибирь. 1923. 12 июня

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 94. Л. 22.

⁶ Советская Сибирь. 1920. 31 августа; ЦДНИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 78.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 20. Л. 7–8.

⁸ Советская Сибирь. 1921. 26 июня.

⁹ Там же.

¹⁰ История города. Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. Т. 1. Новосибирск, 2006. С. 165–170.

¹¹ Советская Сибирь. 1921. 26 июня.

мыла, а так же орехи, пряники¹. Таким образом, основа подарка становилась регламентированной, а вручение подарков подразумевала все категории детей, без приоритетов. С 1922 г. рекомендации на сметы по формированию подарочных наборов становятся разнообразнее: орехи, сахарный песок, молоко, какао, масло, сыр, конфеты, яблоки, булки, пряники².

В основе подарков периода конца 1920-х годов лежали наличие продуктов для приготовления кондитерских изделий в домашних условиях: сахарный песок, мука, какао, масло³. Данный период характеризовался усилением компонентов Всеобща: в подарочных наборах появляются карандаши, бумага, адаптированная к каждому возрасту детская литература, освещающая подвиги времен революции и гражданской войны. Проводились «ночи книги» с активным включением подрастающего поколения⁴. Соотношение сладких и občухющих элементов в подарке становится равновесным.

Тотальная политизация 1930-х годов повлияла и на состав подарков. В данный период акцент перемещается на элементы агитации: литература, подписка на адаптированные возрастные журналы, бесплатные походы в кино⁵. В предвоенное время в состав подарка входят все вышеобозначенные элементы, а праздники достигают пика торжественности. Сладкие подарки по-прежнему составляют незаменимую основу – фрукты, готовые печеные кондитерские изделия, конфеты. Политизированная литература освещает подвиги не только гражданской войны, в праздничных открытках, плакатах появляются образы древнерусских богатырей⁶. Таким образом, динамика состава подарка является важным индикатором усиления политического воспитания детей и юношества.

Межвоенный период, тем самым, является временем активного становления и формирования государственной политики в отношении детства и юношества. Если до революции формированием личности и социализацией ребенка занимались институты семьи и церкви, то в постреволюционный период государственный патернализм замещает функции предыдущих институтов. Массовые праздники для детей и юношества являли собой важный элемент социализации, мобилизации и стратификации общественной жизни, куда встраивались младшие возрастные когорты.

Функция социализации проявлялась в общем торжестве, что в свою очередь способствовало объединению граждан: совместные демонстрации, пение песен и др. Устанавливалась четкая регламентация мероприятий, взаимосвязь всех праздничных событий и одновременную качественную включенность в систему советских торжеств. Отметим формирование замкнутой цепи зависимостей разных групп социума, характеризующей степень ответственности каждого элемента за последующие: трудящиеся–женщины–молодежь–юношество–дети. Эта взаимосвязь свидетельствовала о создании непрерывности процесса социализации. Мобилизация проявлялась в целенаправленном формировании «нового советского человека с активной гражданской позицией» в лице детей и юношества, выступающих в своих праздниках субъектами со своими ролевыми функциями. Стратификационная роль праздника проявлялась в выделении референтных групп, делившихся по степени их «советизации» и включенности в общественную жизнь.

¹ Советская Сибирь. 1921. 26 июня.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 23. Л. 7–12.

³ Советская Сибирь. 1925. 15 апр.; Советская Сибирь. 1925. 15 апр.

⁴ Там же. 1929. 30 апр.; Советская Сибирь. 1929. 28 мая.

⁵ Там же. 1932. 17 нояб.

⁶ Там же. 1937. 23 апр.; 1938. 5 нояб.; 1939. 25 дек.